

УДК 13

А. А. Коковкина, А. А. Цыцарев

ЭКСПЛУАТАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается концепт «культурной травмы» в контексте современной политической действительности. Авторы приходят к выводу, что травматическое состояние современного российского общества используется для решения конъюнктурных политических задач.

Ключевые слова: культурная травма, аномия, идентичность, рациональность.

Концепт «культурной травмы», предложенный польским культурсоциологом П. Штомпкой, сегодня всё чаще выступает инструментом анализа социокультурных проблем. Высокий эвристический потенциал этого концепта признан как зарубежными исследователями, так и отечественными.

В структуре культурной травмы, предложенной П. Штомпкой, выделяется несколько уровней. Первый уровень – уровень события. Это социальные изменения, которые потенциально могут вызвать культурную травму: государственные перевороты, экономические коллапсы, революции, уличные бунты, массовые убийства, терроризм и насилие и др. В сравнительно недавнем российском прошлом практически все перечисленные события присутствуют. Поэтому можно утверждать, что российское общество пережило серьёзные воздействия, способные повлечь за собой культурную травму.

О том, что чувство травмированности присутствует в обществе, может свидетельствовать то, что в описании современной российской действительности часто встречается лексика, связанная с травмой: «люди травмированы по разным причинам и по разным социальным, статусным и даже историческим осям» [15], «травматичный XX век» [10], «травмирующие события российской истории» [9, с. 9]. Эта лексика используется как интуитивно ясная, поскольку наличие травмы говорящим представляется очевидным. Правда, последовательного концептуального анализа применимости этого понятия к описанию российской действительности пока не сделано.

Коковкина Анастасия Александровна — кандидат философских наук, доцент; e-mail: birphilos@mail.ru

Цыцарев Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: birphilos@mail.ru

© Коковкина А. А., Цыцарев А. А., 2015

Следующий уровень – уровень непосредственных следствий события, который проявляется в определённых изменениях общественного поведения. Это уровень симптоматики. П. Штомпка [17] выделяет следующие симптомы культурной травмы: синдром недоверия, мрачный взгляд на будущее, ностальгия по прошлому, политическая апатия, посткоммунистические травмы коллективной памяти. Все они обнаруживаются в современной России и описаны в соответствующих исследованиях. Состояние всеобщего недоверия выражается в аномии и повышении агрессии. М. К. Горшков и Н. Е. Тихонова указывают на то, что аномия и повышенная агрессия являются во многом результатом распада СССР, что привело к формированию новой российской идентичности. Российская идентичность стала наиболее распространённой (её отметили 95 % опрошенных) среди наиболее значимых идентичностей. При этом большая часть (до 90 %) общества сохраняет идентичность по национальности и по месту жительства. При первом рассмотрении такие данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества, а значит, и о надуманности темы о сепаратизме, разобщённости людей. В каком-то смысле это так. Но тут принципиальны основания, на которых осуществляется интеграция. Солидаризация во многом основана на обидах. Большая часть членов общества согласилась с мнением: «люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет» [4]. Причём русские это мнение разделяют в большей степени, чем другие национальности [5].

Разобщённость и всеобщее недоверие – это результат не только националистических взглядов, получивших импульс после распада СССР. Всеобщее недоверие – это также результат «смутного» периода 80–90-х годов. Новая политическая и экономическая системы, а также крах привычного жизненного уклада и, главное, понятной и привычной системы ценностей привели к тому, что важным фактором выживания в отсутствии как первого, так и второго является максимальная автономия от «общества» (поскольку оно постоянно испытывает потрясения) и расчёт только на собственные силы. Жизненно важной (по крайней мере, это декларируется) становится «опора только на себя, семью, ближайшее окружение. Усиливается ориентация на индивидуальную вертикальную мобильность, готовность к социальному выживанию по принципу „каждый за себя, один Бог за всех“» [11, с. 11]. Кроме того, в результате негативных трансформаций во всех сферах общества многие люди «сделали выбор в пользу отказа от лишнего „морального бремени“, поскольку игнорирование моральных предписаний стало в ряде случаев экономически выгодным» [7, с. 117]. Однако индивидуалистическая позиция не приводит к уверенности в завтрашнем дне, что выражается в мрачном взгляде на будущее. В жизненных проектах преобладают краткосрочные планы над долгосрочными. Этот факт объясняется большой неопределённостью в будущем состоянии

всех сфер общества, отсутствием личной безопасности, возможностей самореализации, а также пониманием невозможности что-либо изменить или хоть как-то повлиять на сложившуюся ситуацию [11].

Ещё одним проявлением культурной травмы в российском обществе является «ностальгия по прошлому». Причём эта ностальгия, в нашем случае, выступает в роли «ретроспективного самосознания». В отсутствии разделяемой всеми (или хотя бы значительным большинством) идеологии и более или менее внятных стратегических планов развития страны приобретает большое значение апелляция к великому прошлому, уникальной героической истории и т. д. Важнейшие вехи истории воспринимаются, как, несомненно, относящиеся к современному обществу, что на самом деле совсем не очевидно. Все больше, особенно в последнее время, «ориентиром для культурной памяти становятся готовые стереотипы и яркая советская символика» [14, с. 63].

Ну и, наконец, политическая апатия. По данным ИС РАН, на 2011 год «уровень интереса большинства россиян к политической жизни страны по-прежнему низок» [7, с. 116]. Хотя в связи с последними событиями следует уточнить, почему можно наблюдать колоссальную поддержку президента, которая отмечается с начала 2014 года многими исследователями. Здесь, нам думается, несколько причин. Одна — это беспрецедентная пропаганда, которая продолжается как раз с того момента, как начал расти рейтинг. Другая причина в том, что ответ на закрытый вопрос о поддержке кого-либо в анкете социолога не означает, что респондент будет способен выразить эту поддержку действиями, например, участием в выборах [16]. Ну и самое главное — это то, что массовая апатия и нежелание брать на себя ответственность сейчас как раз способствуют росту рейтинга президента. Большинство, уставшее от постоянных потрясений и бесконечных реформ, с удовольствием принимает созданный приближёнными к власти политтехнологами архетипический образ «сильного вождя», «настоящего мужчины», «дальновидного руководителя» и т. д. Параллельно в массовом сознании происходит реабилитация другого «сильного вождя» — Сталина, чей образ начинает интерпретироваться в терминах «эффективного менеджера», «лидера», на которого большинство может положиться. Это связанные вещи [8].

Приведённые выше примеры заставляют прийти к выводу о реальности травматического состояния современного российского общества. При этом стремления к преодолению этого состояния не наблюдаются. Дж. Александер [1], разрабатывая концепт культурной травмы, анализирует структуру травматического дискурса. Он показывает, в каких сферах происходит процесс конструирования травмы и в каких сферах общества и социальных институтах он может и должен быть представлен и осуществлён. Социальный процесс конструирования культурной травмы может «разворачивается внутри религиозной арены», в области эстетического, в сфере закона, в научном мире, в СМИ, в институтах гос-

бюрократии. Таким образом, травмирующее событие выводится не только на социальный уровень, но и на уровень культуры. Присутствие в этом списке, наряду с государством и законом, научного сообщества и искусства (обозначенных автором как сфера *эстетического*), а также религии, имеющей, даже сегодня, очевидный моральный авторитет в обществе (что необходимо при оценке событий), говорит о том, что при подобном многообразии точек зрения смыслы травмирующего события действительно могут стать смыслами культуры.

Такой подход и, вообще, возможность подобной постановки вопроса основаны на презумпции автономии, самостоятельности и необходимости всех социальных элементов, будь то институты, личности или целые общественные сферы. Это определяет социальную и культурную взаимосвязь и структуру отношений социальных элементов, необходимую и закономерную. Общество как целое существует благодаря нормам и ценностям, возникающим и утверждающимся в процессе естественного взаимодействия его автономных частей. Что же касается российского общества, то в нём такая презумпция отсутствует, и, соответственно, отсутствует эта естественная, органичная взаимосвязь частей общества. Вместо этого традиционно роль носителя норм и ценностей выполняет государство и политическая сфера в целом. Думается, что власть как главный «социокультурный» механизм — это наследие советского прошлого. После крушения коммунистической системы возникла проблема производства и трансляции социальных и культурных ценностей и норм, поскольку исчезло государство, которое это делало. В 90-е годы предпринимались попытки демократических преобразований, которые, в конечном счете, привели к ещё более глубокому кризису власти и властных структур, а другие институты, способные осуществлять рефлектирующую и транслирующую функции, не успели развиваться. Результатом этого явились разобщённость и атомарность российского общества, возникли проблемы с коллективной идентичностью, развилась сильнейшая аномия. С точки зрения Е. И. Головахи и Н. В. Паниной, постсоветская аномия вызывает у населения России состояние «аномической деморализованности» [3], под которой они понимают «упадок духа и растерянность» как следствие разрушения ценностно-нормативных систем государства. Иными словами, аномия российского общества (как одно из проявлений культурной травмы) развилась, в том числе, в результате утраты государством роли руководящей социально-культурной институции.

Следствием этого является формирование особого состояния общества — «общество без общества», в котором «естественные» человеческие связи можно заменить внешними институциональными структурами, выступающими в качестве симулякров социального. Возникла сложная ситуация. Российское общество, с советских времен привыкшее к руководящей роли государства, в результате неудачных реформ 90-х утрати-

ло окончательное доверие к власти. Ценой этого стал «постоянно воспроизводящийся имморализм, деградация ценностей как способ приспособления к сложившемуся порядку господства» [6]. При этом усиление позиций государства в последние годы не повлияло на рост доверия к нему, а необходимость решения проблем роста негативных тенденций в обществе сохранилась.

В состоянии культурной травмы способность к рациональному мышлению и восприятию на коллективном уровне снижается. Вместе с тем усиливается восприимчивость к эмоциональной аргументации, адресованной коллективному бессознательному, оперирующей символическими структурами, «общими смыслами». Легко принимаются не столько разумные и адекватные стратегии исправления ситуации, сколько обещания самого разного рода «лучшего», а также представления себя как безусловно «лучших». Российские политические силы (с разных сторон) демонстрируют стремление не к преодолению травмы, но к её использованию в собственных конъюнктурных целях. Это оказывается возможным, поскольку лишённое чёткой идентичности общество становится легко уязвимым для подобных манипуляций.

На текущий момент преодоление аномии власть осуществляет, используя негативную идентичность, утверждая внешнего виновника неприятностей, противопоставляя «хороших нас» (русских, православных) «плохим им» (американцам, европейцам и т. д.). Вместе с тем организуется внутренняя поляризация общества с целью выявления и дискредитации всех, кто хоть сколько-нибудь критически относится к действиям власти (здесь используется приём отождествления политической воли с желаниями и стремлениями народа в целом) — «пятая колонна», воры, гомосексуалисты и прочие. Внутреннее разделение общества происходит преимущественно на основании специально создаваемых симуляций или мифов, оформляющих восприятие гражданами себя, общества, государства, власти и главное врагов [2]. При этом оппозиция власти системная и несистемная (какая осталась) также не демонстрирует стремления к рациональному дискурсу и не выполняет рефлектирующей функции относительно существующих проблем. Так же, как и действующая власть, оппозиционеры апеллируют к эмоциональной составляющей, указывая на недостатки и нынешние проблемы, не предлагая решения, а только пытаясь создать всеобщую истерию по поводу неправильных действий власти.

Таким образом, представители всего современного политического спектра в России используют состояние культурной травмы в своих личных и корпоративных целях. Попытки представления современного российского общества наделённым какой-то особой «духовностью» или героизмом предпринимаются для достижения этих целей. Но только все эти шаги работают в коротком временном масштабе, создавая «правильное» общественное мнение, обеспечивая поддержку действиям полити-

ков. Таким способом травма не может быть преодолена, поскольку её истинная суть здесь не вскрывается, а лишь маскируется. Эти меры имеют сиюминутный — тактический — эффект, который призван помочь политической элите удержать власть в данной конкретной ситуации. На наш взгляд, сохранение этой практики усугубляет состояние общественного сознания и социального мышления граждан, что в свою очередь чревато рецидивами травматических событий в будущем. Ещё в 80-х годах прошлого века М. К. Мамардашвили писал, что люди «по-прежнему жаждут крови, по-прежнему везде видят вредителей, а это значит, что они фактически находятся в том взвешенном состоянии, когда любая мутация, любой толчок могут выбросить их в кристалл, который мы называем тридцать седьмым годом» [13, с. 182]. Преодоление травмы — это долгий процесс, связанный с рационализацией травматических событий и переживаний, вынесением их на уровень общественного сознания (проговаривание, выстраивание адекватного нарратива), признанием ошибок и вины и поиском приемлемых — разумных — стратегий выхода из ситуации травмы. Требуется провести работу по восстановлению социального, в отношении которого только и возможна «общественная рациональность». Необходимо выстраивать альтернативные каналы передачи общих ценностей, норм, смыслов. Однако это трудно представимо, поскольку противоречит самой логике существующих отношений в российском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александр Д.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. № 3. 2012. С. 6–40.
2. *Гладков О. Б.* Мифологизация общественного сознания в России конца XX — начала XXI века // Среднерусский вестник общественных наук. № 1. 2012. С. 14–20.
3. *Головаха Е. И., Панина Н. В.* Постсоветская anomia: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и Украине // Общественные науки и современность. № 6. 2008. С. 5–10.
4. *Горшков М. К., Тихонова Н. Е.* Социокультурные факторы консолидации российского общества. М.: Институт социологии РАН. 2013. 54 с.
5. *Горшков М. К.* Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов // Гуманитарий юга России. № 3. 2013. С. 11–25.
6. *Гудков Л. Д.* Моральных скреп не обнаружено... Постсоветское общество пока не поддаётся методам классической социологии [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2014-06-24/9_skrepy.html
7. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): доклад ИС РАН. М., 2011. 304 с.
8. За любовь к Сталину придётся заплатить. Сколько и когда? [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/03-04-2015/za-lyubovk-stalinu-pridetsya-zaplatit-skolko-i-kogda>

9. Здравомыслов А. Г. Тройственная интерпретация культуры и границы социологического знания // Социологические исследования. № 8. 2008. С. 3–18.
10. Зорин А. Л. «У нас из-за Ивана Грозного люди могут подражаться»: Андрей Зорин о травмах прошлого и политических манипуляциях [Электронный ресурс] // Теории и практики Москвы. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/9644-zorin>
11. Иванова В. А., Шубкин В. Н. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. № 2. 2005. С. 22–28.
12. Кривошеев В. В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования. № 3. 2009. С. 57–67.
13. Мамардашвили М. К. Третье состояние // Киносценарии. № 3. 1989. С. 177–181.
14. Молчанова О. В. Искусство забывания, или ностальгия по советскому мифу // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». № 17 (79). 2011. С. 63.
15. Павловский Г. Президенту надо выйти из круга старых друзей [Электронный ресурс] // Газета.ru. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/11/18_a_6305113.shtml
16. Панях Э. Русский опрос [Электронный ресурс] // INLYBERTY. URL: http://www.inliberty.ru/blog/1675-russkiy-opros?fb_action_ids=908057542589222&fb_action_types=og_comments
17. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. № 2. 2001. С. 3–12.

* * *

Kokovkina Anastasia A., Tsytsarev Andzhrey A.
EXPLOITATION OF CULTURAL TRAUMA
AS A POLITICAL PRACTICE IN MODERN RUSSIA
 (Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

The article discusses the concept of «cultural trauma» in the context of contemporary political reality. The author concludes that the traumatic state of modern Russian society is used to solve short-term political objectives.

Keywords: cultural trauma, anomie, identity, rationality.

REFERENCES

1. Aleksander D. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' // *Sociologicheskij zhurnal*. 2012, no. 3., pp. 6–40.
2. Gladkov O. B. Mifologizaciya obshchestvennogo soznaniya v Rossii konca XX – nachala XXI veka // *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk* № 1. 2012. S. 14-20.
3. Golovaha E. I., Panina N. V. Postsovetskaya anomiya: osobennosti vyhoda iz sostoyaniya anomicheskoy demoralizovannosti v Rossii i Ukraine // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2008, no. 6, pp. 5–10.
4. Gorshkov M. K., Tihonova N. E. *Sociokul'turnye faktory konsolidacii rossijskogo obshchestva*. M.: Institut sociologii RAN. 2013. 54 p.
5. Gorshkov M. K. Rol' gosudarstva v sohranении i razvitii nacional'noj i grazhdanskoj identichnosti i ukreplenii doveriya v kontekste global'nyh processov // *Gumanitarnij yuga Rossii*. 2013, no. 3, pp. 11–25.
6. Gudkov L. D. Moral'nyh skrep ne obnaruzheno... Postsovetskoe obshchestvo poka ne poddaetsya metodam klassicheskoy sociologii // «*Nezavisimaya gazeta*» [URL]: http://www.ng.ru/stsenarii/2014-06-24/9_skrepy.html

7. *Doklad IS RAN Dvadcat' let reform glazami Rossiyan (opyt mnogoletnih sociologicheskikh zamerov)*. M.: 2011. 304 p.
8. Za lyubov' k Stalinu pridetsya zaplatit'. Skol'ko i kogda? // «Levada-Centr» [URL]: <http://www.levada.ru/03-04-2015/za-lyubov-k-stalinu-pridetsya-zaplatit-skolko-i-kogda>
9. Zdravomyslov A. G. Trojstvennaya interpretaciya kul'tury i granicy sociologicheskogo znaniya // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2008, no. 8, pp. 3–18.
10. Zorin A. L. «U nas iz-za Ivana Groznogo lyudi mogut podrat'sya»: Andrej Zorin o travmah proshlogo i politicheskikh manipulyaciyah // «Teorii i praktiki Moskvyy» [URL]: <http://theoryandpractice.ru/posts/9644-zorin>
11. Ivanova V. A., SHubkin V. N. Massovaya trevozhnost' rossiyan kak prepyatstvie integracii obshchestva // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2005, no. 2, pp. 22–28.
12. Krivosheev V. V. Korotkie zhiznennye proekty: proyavlenie anomii v sovremennom obshchestve // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2009, no. 3, pp. 57–67.
13. Mamardashvili M. K. «Tret'e sostoyanie» // *Kinoscenarii*. 1989, no. 3, pp. 177–181.
14. Molchanova O. V. Iskusstvo zabyvaniya, ili nostalg'iya po sovetskomu mifu // *Vestnik RGGU Seriya «Kul'turologiya. Iskusstvoovedenie. Muzeologiya»*. 2011, no. 17(79), p. 63.
15. Pavlovskij G. Prezidentu nado vyjti iz kruga staryh družej // «Gazeta. ru» [URL]: http://www.gazeta.ru/politics/2014/11/18_a_6305113.shtml
16. Paneyah E.H. Russkij opros // «INLYBERTY» [URL]: http://www.inliberty.ru/blog/1675-russkiy-opros?fb_action_ids=908057542589222&fb_action_types=og.comments
17. SHtompka P. Kul'turnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2001, no. 2, pp. 3–12.

* * *